

**«Советское» в адаптационных механизмах:
преодоление кризиса идентичности**

Тема адаптации человека к изменяющейся социальной, культурной, экономической реальности актуальна для любого общества, находящегося в стадии модернизационных процессов. Эта тема может быть раскрыта на материале разных исследований и направлений, что подтверждает ее междисциплинарный характер. В поле нашего интереса – феномен социально-культурной адаптации на постсоветском пространстве. Нас будет интересовать не сам по себе процесс ценностно-смыслового преобразования реальности человеком, на глазах у которого происходит кое-где частичная, а где-то и существенная трансформация реальности, а диалектика советского и постсоветского, или российского, на постсоветском пространстве. Иными словами, нас интересует, во-первых, как обнаруживает себя советское на постсоветском пространстве, во-вторых, функциональная наполненность советского в процессах социально-культурной адаптации, в третьих, диалектика советского, постсоветского и российского. Насколько принципиально для исследователя употреблять слова «российское», «постсоветское»? Что интеллектуальное сообщество хочет зафиксировать, говоря «постсоветское» (про сознание, человека, реальность, культуру и т.д.)?

В наши задачи не входит анализ содержания самого понятия адаптации, потому мы оставим за скобками возможные интерпретации, которые существуют сегодня в научных исследованиях¹. Отметим лишь, что изменяющиеся условия (будь то экономические, политические или социальные) ставят человека в проблемную ситуацию, которая активизирует его способности и возможности к ценностно-смысловому преобразованию реальности. Только на основании преобразованного представления о реальности, и как следствие, на основании измененных ценностных установок и ориентаций проблемная ситуация может быть разрешена. Адаптация может быть ориентирована как на примитивное выживание, так и на использование новых возможностей, образцов, практик и ценностных ориентаций. В процессе адаптации достигается некий компромисс между человеком и социальной реальностью. Новые требования социальной реальности нельзя просто игнорировать или не замечать, но возможно оспорить, найти «места» для более спокойного привычного существования (но ценой определенных уступок, например, понижая уровень собственных притязаний). В конечном итоге, социальная адаптация не сводится к отказу

¹ Виттенберг Е. В. Социально-психологические факторы адаптации к социальным и культурным изменениям. СПб., 1994; Карако П. С. Адаптация// Новейший философский словарь. – Минск, 1998; Штак С. В. Анализ проблемы социально-психологической адаптации в условиях трансформации российского общества// Сибирская психология сегодня. Кемерово: Вып. 2., 2006.

от привычных представлений, ценностей и практик и к принятию новых представлений и ценностей.

Итак, социальная адаптация будет нами пониматься как процесс социально-психологического и социально-практического освоения человеком того социального пространства, которое реально формируется сегодня во всем его многообразии. Освоение в данном случае может быть понято и как принятие, овладение, подчинение себе. Оно предполагает знание практик приспособления и определение конкретной ситуации как проблемной, стимулирующей человека на изменение привычных практик, стратегий и ценностных установок.

Зададимся вопросом, почему вообще в социально-гуманитарных исследованиях возникает интерес к процессу адаптации российского человека? Нам важно понять, о чем свидетельствует этот интерес, что означает направленность интеллектуального сообщества на исследования стратегий и механизмов адаптации? Социально-гуманитарные исследования уже с начала 90-х годов начали фиксировать изменения общества, экономики, сознания человека. Мотивы трансформации, изменения были и остаются ведущими. Процесс трансформации высвечивался исследователями с разных точек зрения, внимание акцентировалось то на экономическом субъекте, то на политическом, то на социальном и т.д. Исследователи стремились нарисовать картину нового общества. В любом случае, исследовательский интерес был сфокусирован на изменениях². С нашей точки зрения, в исследованиях 90-х можно проследить установку на описание изменений: исследователю было важно увидеть новое российское, постсоветское в социально-культурной реальности. Однако, с точки зрения Н. Зоркой, анализ «программ или сценариев модернизации постсоветского общества и экономики опирались не на понимание природы советского или эмпирические знания постсоветского общества, а на общие схемы транзитологии и лежащие в их основе ценностные представления»³. «Советское» было на время забыто. «Отречение» от советского стало общим местом как в научных исследованиях, так и в повседневных практиках и в обыденном представлении. В научных исследованиях это выражалось в стремлении описать постепенно нарождающееся новое российское. «Советское» было исключено из оптики научного анализа постсоветской социальной реальности.

В обыденном представлении эта установка 90-х годов выражалась в негативном отношении к прошлому, стремлении отрицать какие-либо

² Левада Ю. А. Десять лет перемен в сознании человека// Общественные науки и современность в сознании человека. – 1999. № 5; Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России как форма развития цивилизации // Социол. журн. - 1996. - №3/4; Олышанский Д. В. Трансформация человеческого сознания (от мегамашины тоталитаризма к демократическому обществу)// Политические исследования, 1991, №3; Шулындин Б. П. Российский менталитет в сценарии перемен// Социологические исследования, 1999, №12; Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельно-структурная концепция. М., 2003.

³ Зоркая Н. «Ностальгия по прошлому», или какие уроки могли усвоить и усвоили молодые// Вестник общественного мнения. 2007. № 3.

позитивные итоги прошлого: по выражению Кустарева А., «отречение от советского строя как «антинародного», «преступного», «тоталитарного» стало политкорректностью и без малого официальной идеологией»⁴. Проявлением негативного отношения к советскому прошлому является и понятие «совок» – идеологический штамп с негативной окраской. Термин «совок» можно было встретить в научных изданиях, в публицистике и в повседневном словоупотреблении.

Современный социально-гуманитарный дискурс описывает постсоветский антропологический тип личности в терминах коллективной травмы и кризиса идентичности. Исследователями фиксируется наряду с доминирующими негативными оценками советского прошлого коллективная травма, возникшая в связи с распадом советской империи. Негативная направленность постсоветского сознания – проявление кризиса идентичности человека, который утратил привычный образ жизни и оказался в ценностной пустоте. Первая реакция на распад советской державы – растерянность, отрицание советского прошлого, стремление вытеснить его из сознания. В конечном итоге, коллективная травма не была осмыслена, прожита, проработана ни на уровне самого общества и его институтов, ни на личностном уровне.

Кризис идентичности сопровождался фрустрацией, дезадаптированностью, «потерянностью» человека, оказавшегося в непривычных условиях. Проблема адаптации возникает из-за неспособности человека встроиться в новые условия путем преобразования ментального мира. Адаптивные практики и механизмы востребованы еще и потому, что распад СССР породил ценностную пустоту, которую чем-то надо было заполнить. На первых порах пустота заполнялась «негативным», отрицанием советского прошлого, попыткой вытеснить из памяти данный период истории. Все это приводит к тому, что в массовом историческом сознании образуется некий разлом: между русским, советским и российским. Постсоветская масса, переживающая кризис идентичности, преодолевает свою «травму» только с помощью ностальгии. Ностальгия позволяет человеческому сознанию вдруг обнаружить в прошлом позитивные ценности (искренность, ответственность, дружба, и т.д.), события (победа в войне, полет в космос, олимпиада 1980 г. и др.) и вещи, утраченные в современности (игрушки, формы досуга, фильмы и пр.).

Исследования «нулевых» строятся скорее на осознании необходимости «проработки прошлого», на основании которой только и можно говорить о российской реальности, а, следовательно, и о трансформации советского в российское. В 2000-х совпали потребности власти простроить единую линию «русское-советское-российское», обосновав тем самым преемственность российского по отношению к советскому, и потребности постсоветской массы в советских смыслах, позволяющих преодолеть кризис идентичности. Власть возвращала советские символы и смыслы в целях

⁴ Кустарев А. Дискурсивный ресурс в постсоветском обществе: между инфляцией и дефицитом// Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50). – С. 9.

собственной легитимации, а массы – в целях преодоления коллективной травмы по поводу распада Советского Союза. Интеллектуальное же сообщество восприняло посыл власти выстроить преемственную линию русское-советское-российское как возможность аналитического осмысления советского прошлого. В конечном итоге, возвращение к советским смыслам и символам – это возможность освоить его заново. Советское вновь открывается исследователям, только теперь без установки на отрицание, негацию.

Об интересе к советскому говорят многочисленные издания 2000-х гг., в которых советское предстает как «богатый», многослойный уникальный культурный феномен. «Советское» описывается через анализ повседневности, литературы, кино, архитектуры (ряд может быть продолжен)⁵. Одновременно, благодаря этим исследованиям, становится возможным выявить внутри самого «советского» разные временные пласты: «советское» образца 30-х не равно «советскому» образца 60-х, или позднесоветскому 70-80-х гг. Тогда возникает вопрос: какое «советское» трансформируется в российское? Или что в «российском» осталось от советского 30-х, 60-х, 70-80-х?

В современных публикациях часто звучит мотив недостаточности исследований по советскому прошлому: «спору нет; ликбез по советской цивилизации сейчас уже вполне необходим: все мы, чем дальше, тем больше – иностранцы в этом ушедшем мире»⁶ и «мы знаем о советском непростительно мало»⁷, и снова «мы все еще не осознали, что произошло с нами в XX веке»⁸. Интеллектуальное сообщество фиксирует не только

⁵ Советское богатство. Статьи о культуре, литературе и кино. К 60-летию Х. Гюнтера. Сб. статей под ред. М. Балиной, Е. Добренко... – Санкт-Петербург: Академический проект, 2002; Соцреалистический канон/Сб. статей под ред. Х. Гюнтера. – Санкт-Петербург, 2002; Бойм С. Общие места: мифология повседневности. – Москва: Новое Литературное Обозрение, 2002; Герасимова Е. Чуйкина С. Общество ремонта// Неприкосновенный запас. 2004. № 2; Гусейнов Г. Карта нашей Родины: идеологема между словом и телом. – М.: ОГИ, 2005; Добренко Е. Политэкономия соцреализма. – М.: Новое литературное обозрение, 2007; Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2001; Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. – Москва: Европа. – 2005; Круглова Т.А. Советская художественность, или нескромное обаяние соцреализма. – Екатеринбург: издательство Гуманитарного университета, 2005; Люди и вещи в советской и постсоветской культуре: О. Г. Ечевская, О. Гурова, О. Вейс, О. Дейхина, Ю. Захарова. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005; Орлова Г. А. Апология странной вещи: «маленькие хитрости» советского человека// Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2004. № 2 (34); Осокина Е.А. Прощальная ода советской очереди// Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2005. № 5 (43); Рыклин М. Пространства ликования. Тоталитаризм и различия. – Москва: Логос, 2002; Утехин И. Очерки коммунального быта. – Москва: ОГИ, 2001; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001; Хархордин О. Обличать и лицемерить. К генеалогии российской личности. СПб., 2002; Булавка Л. А. Феномен советской культуры. – М.: Культурная революция, 2008.

⁶ Балла О. Джаз на костях и комната в чемодане. Советская экзотика для невольных иностранцев// НГ ExLibris – 2006 – 11.

⁷ Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. – М., 2005. – С. 471.

⁸ Круглова Т. А. Советская художественность или нескромное обаяние соцреализма. – Екатеринбург, 2005. – С. 10.

«непроработанность» концепта «советское» во всем его многообразии, но и необходимость адекватного включения концепта «советское» в современный гуманитарный дискурс. С точки зрения Каспэ И. и С., «в первую очередь следует более четко определить природу «советского»⁹. Тогда само «советское» – это точка отсчета в системе координат, в которой происходит новое национальное строительство. Как следствие, российское сообщество, по мнению многих российских исследователей, не сможет «нормально» функционировать без своеобразной «проработки прошлого» и четкого понимания концепта «советского»¹⁰.

Появление проблемы социально-культурной адаптации российского человека на этом интеллектуальном фоне говорит о том, что «советское» активно участвует в адаптационных механизмах постсоветской массы. Здесь стоит отметить, что наличие термина «постсоветское» в словарном запасе современных исследователей – это свидетельство незавершенности трансформации советского в российское, незавершенности перехода в новое качество – по сути российского. Для исследователей нет однозначных ответов на вопросы типа «состоялся ли переход в принципе?». С точки зрения Рыженкова С., «российский режим еще не стал законченным явлением»¹¹? Как следствие, проблема адаптации человека к промежуточным условиям – «постсоветским», – которые, по-видимому, несут в себе «осадочные» структуры сознания и мышления советского времени и нарождающиеся новые российские практики и ценности. С точки зрения российского социолога Гудкова Л., после распада советской системы и образования, так называемого демократического общества – несмотря на упразднение номенклатуры, переход к многопартийной и выборной системе управления – остаются «осадочные структуры тоталитарной социализации, навыки и привычные регуляторы сознания и мышления»¹². Более того, «советское» влияет на адаптивные стратегии российского человека, оказавшегося в новых условиях. Советские остаточные структуры сознания проявляются не напрямую, а действуют через негативные последствия – «блокировку формирования других структур или мотивов действия, неспособность образования гражданского общества и представительских институтов»¹³.

⁹ Каспэ И., Каспэ С. Поле битвы – страна. Nation-building и наши нэйшнбилдеры. // Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50). – С. 29.

¹⁰ Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. – Москва: Европа. – 2005; Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. – М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004; Ионин Л. Г. Социология культуры. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004; Рыклин М. Пространства ликования. Тоталитаризм и различия. – Москва: Логос, 2002; Габович М. Коллективная память и индивидуальная ответственность. Заметки по поводу статьи Дины Хапаевой// Неприкосновенный запас. – 2006. № 6 (50); Каспэ И., Каспэ С. Поле битвы – страна. Nation-building и наши нэйшнбилдеры. // Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50).

¹¹ Рыженков С. Динамика трансформации и перспективы российского политического режима// Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50). – С. 58-59.

¹² Гудков Л. Д. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. – М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. – С. 439.

¹³ Гудков Л. Д. Указ. соч. – С. 439.

В трактовке Каспэ И. и Каспэ С. «разрушены» только институциональный и идеологический уровни или измерения «советского», но не повседневный и не ментальный.¹⁴ Иными словами, «советское» шире пространственной или временной характеристики культуры, власти или общества. 1991 г. стал концом советского режима со специфической институциональной структурой, но не ментальности. Потому категории советского мышления и схемы восприятия по-прежнему присутствуют в сознании постсоветского человека. Но теперь категории советского мышления, схемы восприятия и практики причудливо сплетаются с новыми практиками и схемами восприятия.

Процесс социальной адаптации входит в поле научных интересов современных социологов, которые также как философы, культурологи историки и др. фиксируют промежуточность, незавершенность перехода к новому российскому качеству. Так, с точки зрения социолога Б. Дубина, который опирается на социологические исследования «Левада-центра», известного в социологической среде своими работами на тему «советский человек», российское общество находится в процессе распада прежнего государственно-централизованного устройства социальной жизни. В то же самое время на постсоветском пространстве продолжают действовать остаточные идеологемы и мифологемы, характерные для советской ментальности, при этом устройство власти и общественных отношений, характерные институциональные формы подверглись изменениям.

Успешной социальной адаптации постсоветского человека, по выражению Дубина Б., препятствует тот факт, что «централизованная власть приняла форму привычной для большинства россиян иерархической пирамиды с единоличным начальником во главе»¹⁵. Иными словами, современная российская власть повторила контуры советской власти, что ослабило возможность для социума движения к усложнению институтов и форм взаимодействия между человеком и институтами, возможность появления самостоятельных источников и сил развития общества.

Итак, постсоветская масса предстает для исследователя как переживающая «травму» распада советской империи и кризис коллективной идентичности. Травма преодолевается меморативными и ностальгическими стратегиями. Ностальгия демонстрируется как средствами массовой информации (различные телепроекты, телеканалы с доминирующей ностальгической тональностью, радиостанции с набором советской музыки, в том числе в современном звучании), интернет-сообществами (где люди разных поколений, в том числе «поколение 30-летних», в различных меморативных текстах выражают ностальгические настроения по советскому, прежде всего по советскому детству¹⁶). Советское прошлое, благодаря поколению молодых обрывает трогательными легендами и

¹⁴ Каспэ И., Каспэ С. Поле битвы – страна. Nation-building и наши нэйшнбилдеры. // Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50). – С. 30.

¹⁵ Дубин Б. Всеобщая адаптация как тактика слабых. Риторика власти – установки приближенных – настроения масс// Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50). – С. 37.

¹⁶ www.odnoklassniki.ru, www.76-82.ru, www.vspomni.ru и т.д.

мифами, и превращается в «светлое прошлое», где царили искренние чувства и поступки.

Ностальгирование по ушедшему прошлому реализуется, в том числе в коллективных формах, например, через коммуникацию в различных интернет-сообществах, где пользователи вовлечены в коллективное воспоминание прошлой эпохи: «мы ели пирожные, мороженое, пили лимонад...мы неслись смотреть мультфильм всей толпой в ближайший дом... часами мы мастерили тележки и самокаты из досок и подшипников со свалки...мы придумывали игры с палками и консервными банками, мы воровали яблоки в садах и ели вишни с косточками, и косточки не прорастали у нас животе»¹⁷ и т.д. Подобные меморативные тексты заполнили Интернет-сайты и различные интернет-сообщества, где человек получает возможность поностальгировать по ушедшей эпохе. Сайт «Энциклопедия нашего детства www.76-82.ru» вообще нацелен на создание некой энциклопедии культурных смыслов, событий, текстов, форм прошлой эпохи. Тогда, получается, что коллективное воспоминание позволяет открыть «советское» вновь. На наших глазах происходит ре-конструкция эпохи, правда, в ностальгической тональности и потому ре-конструкция не всеобъемлюща. В то же время, память выносит на поверхность позитивные общезначимые смыслы и ценности, которые заполняют пустоту ценностного мира постсоветского человека. Однако подобные коллективные воспоминания не способствуют аналитическому переосмыслению прошлой эпохи, а скорее позволяют «залакировать» советскую действительность.

Проявления ностальгии дают исследователям богатый материал, репрезентируя целостный образ ушедшего времени в виде ностальгического мифа. Ностальгический миф в свою очередь «помогает человеку и обществу восстановить утраченный мир с помощью памяти»¹⁸, в результате чего прошлое примиряется с настоящим при понимании необратимости самого прошлого. Ностальгия, таким образом, компенсирует социально-психологические перегрузки социума в условиях переходного периода. Ностальгия по «советскому» – это прощание социума с советской цивилизацией.

Итак, в современной российской действительности сочетаются «новые», относительно советской действительности, элементы со «старыми». «Старые», с точки зрения Дубина Б. регулируют реальное поведение в рамках самого института, «новые» – связывает с внешним миром, с деятельностью других институций и инстанций»¹⁹. В любом случае базовой социальной стратегией постсоветского человека является адаптация к «новым» условиям. Отсюда практики заимствования, повторения образцов поведения, культурных смыслов, значений и символов, характерных для советской действительности. Новые условия и отношения, безусловно, порождают новые антропологические структуры и практики, стереотипы, в

¹⁷ <http://fatalno.mindmix.ru/31-776-detjam-60-70-80-h-posvjaschaetsja>

¹⁸ Шабурова О. В. Ностальгия: через прошлое к будущему // Социемы. 1996. №5. – С. 44.

¹⁹ Дубин Б. Указ. соч. – С. 44.

то же самое время они сочетаются со структурами и практиками, уже сложившимися в советской действительности.

Итак, современный исследователь, говоря о процессах трансформации и адаптации на постсоветском пространстве, должен четко определиться со смысловым наполнением следующих терминов «советское», «постсоветское», «российское». В каких смыслах они совпадают, а в каких принципиально не сходятся?

Таким образом, современное российское общество находится в ситуации перехода от советского к российскому. Потому так часто в научных исследованиях можно встретить термин «постсоветское». Говоря «постсоветское», мы хотим зафиксировать незавершенность перехода, трансформации. Именно потому говоря «постсоветское» о сознании, ментальности, антропологическом типе, культуре, мы хотим зафиксировать причудливые формы сочетания советских практик, смыслов, ценностей и возникающих здесь и сейчас в процессе трансформации российских смыслов. Ситуация незавершенности осложняется коллективной травмой постсоветской массы, остро «проживающей» распад Советского Союза, и в связи с этим переживающей кризис коллективной идентичности. Именно кризис идентичности порождает проблему адаптации к изменяющимся условиям. Постсоветский человек, адаптируясь, использует известные для него стратегии и практики из прошлой советской жизни. «Советское» в данном случае выступает некой терапией: оно «залечивает» травмированное сознание. Возвращение к «советскому» через ностальгию и другие меморативные стратегии разрешает кризис идентичности, но путем заимствования элементов советской идентичности. Иными словами, кризис идентичности российского человека пока не разрешается путем конструирования новой идентичности. Мифологемы, консолидирующие российскую нацию сегодня во многом те же, что и в советское время.